

Сектантство, центризм и Четвертый Интернационал

Смешно было бы отрицать наличие сектантских тенденций в нашей среде. Они обнаружены целым рядом дискуссий и отколов. Да и как не быть элементам сектантства в идейном течении, которое непримиримо противостоит всем господствующим в рабочем классе организациям и подвергается во всем мире чудовищным, совершенно небывалым преследованиям? На наше «сектантство» по каждому поводу охотно указывают реформисты и центристы, причем чаще всего они имеют в виду не наши слабые, а наши сильные стороны: серьезное отношение к теории; стремление продумать каждую политическую обстановку до конца и дать ясные лозунги; нашу ненависть к тем «легким» и «удобным» решениям, которые сегодня избавляют от забот, но зато на завтра готовят катастрофу. Обвинение в сектантстве со стороны оппортунистов есть чаще всего похвала.

Курьез, однако, в том, что в сектантстве нас обвиняют нередко не только реформисты и центристы, но и противники «слева», заведомые сектанты, которых можно было бы в этом качестве демонстрировать в любом музее. Причиной их недовольства нами является наша непримиримость к ним самим, наше стремление очиститься от сектантских болезней детства и подняться на более высокую ступень.

Человеку поверхностному может казаться, что слова: сектант, центрист и пр. являются просто полемическими кличками, которыми противники обмениваются за недостатком других, более подходящих ругательств. Между тем понятие *сектантства*, как и понятие *центризма*, имеет в марксистском словаре вполне определенный смысл. На открытых им законах движения капиталистического общества марксизм построил *научную программу*. Огромное завоевание! Однако мало создать правильную программу. Надо, чтобы её принял рабочий класс. Сектант же останавливается по сути дела на первой половине задачи. Активное вмешательство в реальную борьбу рабочих масс подменяется для него отвлеченной пропагандой марксистской программы.

Каждая рабочая партия, каждая фракция проходит на первых порах период чистой пропаганды, т.е. воспитания кадров. Кружковый период марксизма неизбежно прививает навыки абстрактного подхода к проблемам рабочего движения. Кто не умеет своевременно перешагнуть через рамки этой

ограниченности, тот превращается в консервативного сектанта. Жизнь общества представляется ему большой школой, а сам он в ней — учителем. Он считает, что рабочий класс должен, оставив все свои менее важные дела, сплотиться вокруг его кафедры: тогда задача будет решена.

Хотя бы сектант в каждой фразе клялся марксизмом, он является прямым отрицанием диалектического материализма, который исходит из опыта и к нему возвращается. Сектант не понимает диалектического взаимодействия готовой программы и живой, т.е. несовершенной, незаконченной борьбы масс. По методам своего мышления сектант является рационалистом, формалистом, просветителем. На известной стадии развития рационализм прогрессивен: он направляется критически против слепого предания, против суеверий (XVIII век!). Прогрессивная стадия рационализма повторяется в каждом большом освободительном движении. Но с того момента, когда рационализм (абстрактный пропагандизм) направляется против диалектики, он становится реакционным фактором. Сектантство враждебно диалектике (не на словах, а на деле) в том смысле, что оно становится спиной к действительному развитию рабочего класса.

Сектант живет в сфере готовых формул. Жизнь проходит мимо него, чаще всего не замечая его; но иногда она попутно дает ему такой щелчок, что он поворачивается на 180° вокруг своей оси и продолжает нередко идти по прямой линии, только... в противоположном направлении. Разлад с действительностью вызывает у сектанта потребность в постоянном уточнении формул. Это называется дискуссией. Для марксиста дискуссия — важное, но служебное средство классовой борьбы. Для сектанта дискуссия — самоцель. Чем больше, однако, он дискутирует, тем больше реальные задачи ускользают от него. Он похож на человека, который удовлетворяет жажду соленой водой: чем больше он пьет, тем сильнее жажда. Отсюда постоянное раздражение сектанта. Кто ему подсыпал соли? Наверное, «капитулянты» из Интернационального Секретариата. Сектант видит врага во всяком, кто пытается разъяснить ему, что активное участие в рабочем движении требует постоянного изучения объективных условий, а не высокомерного командования с сектантской кафедры. Анализ действительности сектант заменяет кляузой, сплетней, истерией.

Центризм является в известном смысле антиподом сектантства: он не выносит точных формул, ищет путей к действительности помимо теории. Но вопреки известной формуле Сталина, «антиподы» часто оказываются... «близнецами». Отрешенная от жизни формула пуста. Живая действительность вне теории

неуловима. Так оба они — сектант и центрист — уходят в конце концов с пустыми руками и объединяются... на чувстве враждебности к подлинному марксисту.

Сколько раз встречался нам самодовольный центрист, который считает себя «реалистом» только потому, что пускается в плавание без всякого идейного багажа и отдается каждому встречному течению! Он не понимает, что принципы для революционного пловца — не мертвый груз, а спасательный круг. Сектант же, по общему правилу, вообще не хочет пускаться в плавание, дабы не замочить свои принципы. Он сидит на берегу и читает нравоучения потоку классовой борьбы. Но нередко отчаявшийся сектант бросается очертя голову в воду, хватается за центриста и помогает ему утонуть. Так было, так будет.

В нашу эпоху разложения и разброда можно в разных странах встретить немало кружков, которые усвоили себе марксистскую программу, чаще всего путем заимствования у большевиков, но превратили затем свой идейный багаж в большую или меньшую окаменелость.

Возьмем для примера лучший образец этого типа, именно, бельгийскую группу, руководимую товарищем Вереекеном. 10 августа орган этой группы «Спартакус», заявил о её присоединении к IV Интернационалу. Это заявление следует приветствовать. Но нужно в то же время сказать заранее, что Четвертый Интернационал обрек бы себя на гибель, если бы сделал уступки сектантским тенденциям.

Вереекен был в свое время непримиримым противником вступления французской Коммунистической лиги в Социалистическую партию. Греха в этом нет: вопрос был новый, шаг рискованный, разногласия вполне допустимы. В известном смысле допустимы, по крайней мере, неизбежны, и преувеличения в идейной борьбе. Так, Вереекен предсказывал неизбежную гибель международной организации большевиков-ленинцев в результате её «растворения» во Втором интернационале. *Мы бы предложили Вереекenu перепечатать сегодня его прошлогодние пророческие документы в «Спартакус».* Но не в этом главная беда. Хуже то, что в своей нынешней декларации «Спартакус» лишь уклончиво отмечает, что французская секция «в значительной мере, скажем даже, в большой мере» оставалась верна своим принципам. Если бы Вереекен действовал как марксистский политик, он сказал бы ясно и точно, в чем именно наша французская секция отошла от своих принципов, и дал бы прямой и открытый ответ на вопрос о том, кто же оказался прав: сторонники вхождения или противники?

Еще неправильнее отношение Вереекена к нашей бельгийской секции, вступившей в реформистскую Рабочую партию. Вместо того, чтобы изучать опыт работы в новых условиях и критиковать реальные шаги, если они заслуживают критики, Вереекен продолжает жаловаться на условия той дискуссии, в которой он потерпел поражение. Дискуссия была, видите ли, неполной, недостаточной, нелояльной: Вереекен не удовлетворил своей жажды соленой водой. В Лиге вообще нет «настоящего» демократического централизма! Лига проявила по отношению к противникам вступления... «сектантство». Разве не ясно, что у т. Вереекена не марксистское, а либеральное понимание сектантства: в этом пункте он явно сближается с центристами? Неправда, будто дискуссия была недостаточна: она велась в течение ряда месяцев, устно и печатно, притом в интернациональном масштабе. После того, как Вереекену не удалось убедить других в том, что лучшая революционная политика есть топтание на месте, он отказался подчиниться решениям национальной и интернациональной организаций. Представители большинства не раз говорили Вереекену: если опыт покажет, что мы сделали неправильный шаг, мы общими силами исправим ошибку. Неужели же после 12-ти лет борьбы большевиков-ленинцев у вас нет настолько доверия к собственной организации, чтобы сохранить дисциплину действия даже и в случае тактических разногласий? Вереекен не внял дружественным и терпеливым доводам. После вступления большинства бельгийской секции в Рабочую партию группа Вереекена естественно очутилась вне наших рядов. Вина в этом на ней самой, и только на ней.

Если вернуться к вопросу по существу, сектантство т. Вереекена выступает во всей своей догматической неприглядности. Как же так, — возмущался Вереекен, — Ленин говорил о разрыве с реформистами, а бельгийские большевики-ленинцы вступают в реформистскую партию! Но Ленин имел в виду разрыв с реформистами как неизбежный результат борьбы с ними, а не как спасительный акт независимо от места и времени. Раскол с социал-патриотами ему нужен был не для спасения собственной души, а для отрыва масс от социал-патриотизма. В Бельгии профессиональные союзы слиты с партией, бельгийская партия есть по существу организованный рабочий класс. Разумеется, вхождение революционеров в БРП не только открывало возможности, но и налагало ограничения. При пропаганде марксистских идей приходится считаться не только с легальностью партии (обе эти легальности, к слову сказать, в значительной мере совпадают). Приспособление к чужой «легальности» включает в себе, вообще говоря,

несомненную опасность; но это не останавливало большевиков даже от использования царской легальности: в течение ряда лет большевики вынуждены были называть себя на собраниях профессиональных союзов и в легальной печати не социал-демократами, а «последовательными демократами». Правда, это не обошлось даром: к большевизму примкнуло изрядное число элементов, которые были лишь более или менее последовательными демократами, но никак не интернациональными социалистами; однако, дополняя легальную работу нелегальной, большевизм справился с затруднениями. Конечно, «легальность» Вандервельде, де Мана, Спаака и других лакеев бельгийской банкократии налагает очень тяжелые ограничения на марксистов и тем порождает опасности. Но для борьбы с опасностями реформистского пленения у марксистов, еще недостаточно сильных для создания собственной партии, есть свои методы: точная программа, постоянная фракционная связь, интернациональная критика и проч. Правильно судить о деятельности революционного крыла в реформистской партии можно лишь, если оценивать *динамику развития*. Вереекен не делает этого по отношению к фракции «Action socialiste revolutionnaire», как и по отношению к «Verite». Иначе он не мог бы не признать, что ASR проделала за последний период очень серьезное движение вперед. Каковы будут окончательные итоги, сейчас еще предсказать нельзя. Но вхождение в БРП уже оправдано опытом.

Возьмем несколько примеров групп, отколовшихся от нашей международной организации на разных этапах её развития.

Французский журнал «Que faire» (что делать — фр.) является поучительным образцом сочетания сектантства с эклектикой. В важнейших вопросах журнал излагает взгляды большевиков-ленинцев, переставляя запятые и делая нам строгие критические замечания. В то же время в журнале ведется безнаказанная защита социал-патриотических пошлостей под видом дискуссии и под прикрытием «защиты СССР». Как и почему интернационалисты из «Que faire», порвав с большевиками, уживаются мирно с социал-патриотами, этого они и сами не могут объяснить. Ясно, однако, что при таком эклектизме «Que faire» меньше всего способен ответить на вопрос, что делать (que faire). В одном лишь согласны и интернационалисты, и социал-патриоты: ни в каком случае в 4-й Интернационал! Почему? Нельзя «отрываться» от коммунистических рабочих. Тот же довод мы слышим от САП: не отрываться от социал-демократических рабочих. И здесь

антиподы оказываются близнецами. Курьез, однако, в том, что ни с какими рабочими «Que faire» не связан, и по самой своей сущности связаться не может.

О группах «Internationale» или «Proletaire» можно сказать еще меньше. Они тоже составляют свои взгляды на основании последних номеров «Verit» с приправой критических импровизаций. Никаких перспектив революционного роста у них нет; но они обходятся без перспектив. Вместо того, чтобы учиться в рамках более серьезной организации (учиться трудно), эти не любящие дисциплины и очень претенциозные «вожди» хотят учить рабочий класс (это им кажется легче). В минуты трезвого размышления они должны сами видеть, что само существование их как «независимых» организаций есть чистейшее недоразумение.

В Соединенных Штатах можно назвать группы Филда и Вейсборда. Филд по всему своему политическому складу — буржуазный радикал, усвоивший себе марксистские экономические воззрения. Чтобы стать революционером, Филду надо было бы ряд лет поработать в революционной пролетарской организации в качестве дисциплинированного солдата; между тем он начал с того, что решил создать «свое собственное» рабочее движение. Заняв позицию «влево» от нас (как же иначе?), Филд вскоре вступил в дружественные отношения с САП. Анекдотическое приключение с Бауэром, как видим, вовсе не является случайным. Стремление встать *влево* от марксизма фатально заводит в центристское болото.

Вейсборд, несомненно, ближе к революционному типу, чем Филд. Но вместе с тем он представляет наиболее чистый образец сектанта. Он абсолютно неспособен соблюдать пропорции ни в идеях, ни в действиях. Из каждого принципа он делает сектантскую карикатуру. Поэтому даже правильные идеи становятся в его руках орудием дезорганизации собственных рядов.

Незачем останавливаться на подобных же группах в других странах. Они откололись от нас не потому, что мы были нетерпимы или нетерпеливы, а потому, что они сами не хотели и не умели идти вперед. Со времени откола они успели лишь обнаружить свою несостоятельность. Попытки их объединиться друг с другом в национальном или интернациональном масштабе ни разу не привели к результату: сектантству свойственна только сила отталкивания, но не сила притягивания.

Какой-то чудаки подсчитал, сколько у нас было «расколов», и насчитал, кажется, несколько десятков. В этом он видел убийственную улику против нашего плохого режима. Курьез состоит в том, что в самой САП, торжественно опубликовавшей эти исчисления, произошло за немногие годы её существования

больше расколов и отколов, чем во всех наших секциях вместе взятых. Сам по себе этот факт, однако, ни о чем не говорит. Нужно брать не голую *статистику расколов*, а *диалектику развития*. После всех своих расколов САП осталась крайне разнородной организацией, которая не выдержит первого напора больших событий. Еще в большей мере это относится к лондонскому «Бюро революционного социалистического единства», раздираемому непримиримыми противоречиями: его завтрашний день будет состоять не из «единства», а из одних расколов. Между тем, организация большевиков-ленинцев, очищаясь от сектантских и центристских тенденций, не только спланивалась общими идеями, не только росла численно, не только укрепляла свою международную связь, но и нашла путь к слиянию с родственными её по духу организациями (Голландия и С.Ш.С.А.). Попытки САП взорвать голландскую партию (справа, через Молинаара!) и американскую (слева, через Бауэра!) привели лишь ко внутреннему сплочению обеих партий. Можно с уверенностью предсказать, что параллельно с распадом лондонского бюро будет идти все более быстрый рост организаций Четвертого Интернационала.

Как сложится новый Интернационал, через какие этапы он пройдет, какую окончательную форму он примет, — этого сейчас никто не может предсказать; да в этом нет и надобности: события укажут. Но начать надо с предъявления *программы*, которая отвечает задачам нашей эпохи. На основе этой программы надо группировать единомышленников, пионеров нового Интернационала. Другого пути не может быть.

«Коммунистический Манифест» Маркса-Энгельса, направленный непосредственно против всех видов утопически-сектантского социализма, со всей силой указывает, что коммунисты *не* противопоставляют себя реальному рабочему движению, а участвуют в нем, как авангард. В то же время сам «Манифест» был *программой новой партии*, национальной и интернациональной. Сектант удовлетворяется программой как рецептом спасения. Центрист руководится знаменитой (по существу, бессмысленной) формулой Эдуарда Бернштейна: «Движение — все, конечная цель — ничто». Марксист выводит научную программу из движения, взятого в целом, чтобы затем применить эту программу к каждому конкретному этапу движения.

Первые шаги нового Интернационала, с одной стороны, затруднены старыми организациями и их обломками, с другой — облегчены грандиозным опытом

прошлого. Процесс кристаллизации, очень трудный и мучительный на первых порах, будет в дальнейшем иметь порывистый и быстрый характер. Нынешние международные события имеют неизмеримое значение для формирования революционного авангарда. На свой манер Муссолини — надо это признать — «помог» делу Четвертого Интернационала. Большие конфликты сметают все половинчатое и искусственное, и, наоборот, укрепляют все жизнеспособное. В рядах рабочего движения война оставляет место только для двух течений: социал-патриотизма, не останавливающегося ни перед каким предательством, и смелого, идущего до конца революционного интернационализма. Именно поэтому центристы, боящиеся надвигающихся событий, ведут бешеную борьбу против Четвертого Интернационала. Они по-своему правы: выжить и развернуться в грохоте великих потрясений сможет только та организация, которая не только очищала свои ряды от сектантства, но и систематически воспитывала их в духе презрения ко всякой идейной половинчатости и трусости.